

Глава десятая. Беда Минамото-но Хиромасы

Ранним утром, когда прозрачная дымка тумана едва успела рассеяться в воздухе, Хиромаса, освободившись после утреннего доклада во дворце, поспешно сел в повозку, запряженную быком, и велел погонять к усадьбе Сэймэя.

«В последнее время на нас навалилось слишком много невзгод... — уныло размышлял Хиромаса. — Раны Мицумуси до сих пор не затянулись. Каким же жестоким нужно быть, чтобы сотворить подобное? Этот Юй-лан не знает пощады»

— Тосихиро! Поторопись! Ну почему эти быки всегда плетутся как сонные улитки? — не выдержав, крикнул Хиромаса.

— Господин, согласно сегодняшним предписаниям Книги Инь-Ян, нам следовало бы поехать в объезд. Только так мы избежим дурного знамения, — донесся снаружи голос слуги.

— Вечно ты забиваешь голову всякой чепухой! Поезжай прямо к воротам Цутимикадо. Зачем слушать бредни придворных гадалей? — отмахнулся Хиромаса.

— Но позвольте, господин... разве Сэймэй-сама — не такой же оммёдзи? Разве вы не внимаете каждому его слову? — робко возразил Тосихиро.

— Тосихиро, что за глупости ты несешь? Разве можно сравнивать Сэймэя с теми бездарями из Оммё-рё! — возмутился Хиромаса.

— Слушаюсь, господин. Мы почти у ворот Цутимикадо, — вздохнул слуга, покачав головой.

Хиромаса откинулся на бамбуковую циновку в глубине повозки, вновь погружаясь в мечтания.

«Как хорошо было бы, если бы все оставалось так всегда... Сэймэй, знал бы ты, как сильно я хочу заботиться о тебе. Всё, что делают твои сикигами, я могу делать ничуть не хуже»

Резкий, пронзительный крик за стенами повозки мгновенно вырвал Хиромасу из грез.

— Тосихиро, стой! Тормози! — скомандовал он.

Обеспокоенный Хиромаса высунулся из окна повозки, желая понять, что стряслось.

В стороне от дороги, среди густых деревьев, какой-то грубый, уродливый мужчина яростно гнался за молодой девушкой, замахиваясь на нее кулаками. Несчастная бежала изо всех сил, истошно моля о спасении.

— Немедленно прекрати! — во весь голос крикнул Хиромаса, выпрыгивая из повозки.

Мужчина замер и смерил Хиромасу наглым взглядом.

— А ты еще кто такой? Какое тебе дело до нас? Я купил эту девку за собственные деньги, так с какой стати ты лезешь не в свое дело?

— Господин, умоляю, спасите! — Девушка, увидев в благородном воине своего избавителя, бросилась к его ногам, заливаясь слезами. — Я не хочу идти с ним! Он забьет меня до смерти!

Хиромаса сурово взглянул на грубияна и твердо произнес:

— Даже если ты заплатил за нее, это не дает тебе права издеваться над ней! Женщин нужно защищать, а не избивать! Неужели тебе не знакомы столь простые истины?

— Пф! Я вам не изнеженный столичный вельможа, чтобы тратить время на высокопарные бредни! — расхохотался мужчина. — Мне плевать на твои речи. Девка моя по закону. Хочешь забрать ее — гони монету, господин хороший!

— Деньги? Что ж, забирай. Надеюсь, этого тебе хватит, — сквозь зубы процедил Хиромаса. С этими словами он сорвал с пояса увесистый кошель и швырнул его вымогателю.

Поймав кошель, негодяй взвесил его на ладони и тут же подобострастно ухмыльнулся.

— Хватает, еще как хватает! Теперь девка ваша, благородный господин... Ох и щедрая же у вас душа, хе-хе!

— Раз получил плату — проваливай и не мозоль мне глаза. И не дай бог я еще раз увижу, как ты поднимаешь руку на беззащитных, — холодно предупредил Хиромаса.

— Слушаюсь, господин, сию минуту исчезаю! — затараторил тот и поспешно скрылся в зарослях.

Хиромаса бережно помог испуганной девушке подняться и ласково спросил:

— Дитя, ты цела? Где твой дом? Давай мой слуга Тосихиро отвезет тебя обратно к родным?

Девушка вдруг тихо, кокетливо рассмеялась.

— О нет, в этом нет нужды. Благодарю за заботу, Хиромаса-сама. Вы и впрямь невероятно великодушны.

— Откуда тебе известно мое имя? — изумился Хиромаса.

— Мой господин очень хорошо вас знает, — с загадочной улыбкой ответила она.

— Твой господин?.. Кто же ты?.. — Хиромаса окончательно растерянно захлопал глазами.

Вдруг перед его взором блеснула ледяная вспышка. Силуэт девушки, которую он только что поддерживал за плечи, заколыхался и прямо на глазах превратился в длинную флейту из белого нефрита.

— Это же... флейта Юй-лана?.. Белый нефрит... — пораженно прошептал Хиромаса.

Позади раздался леденящий душу смех, и спину Хиромасы обдало могильным холодом.

Кто-то за его плечом негромко, размеренно зашептал слова древнего заклинания:

«По велению Вышнего Владыки, изловить злых духов! Да ниспустится Божественный царь, карающий демонов! Трехфутовый сияющий клинок разит сонмы бесов, драгоценный сосуд вбирает их прах!»

Даже не оборачиваясь, Хиромаса понял, кто стоит сзади. Юй-лан!

Судорожным движением он выхватил из-за пазухи амулет с пятиконечной звездой — защитную пентаграмму Сэймэя.

«Сэймэй! Прошу тебя, помоги! Всё упование на тебя!»

Он мертвой хваткой вцепился в бумажный оберег, заклиная его спасти себя...

Усадьба Абэ-но Сэймэя в Цутимикадо

Абэ-но Сэймэй дремал, лениво раскинувшись на деревянном настиле веранды.

— Хиромаса! — Сэймэй резко открыл глаза, пробуждаясь от внезапного кошмара. Сердце его бешено колотилось в груди.

— Господин, Хиромасы-сама еще нет, — отозвалась сидевшая неподалеку Мицумуси.

— Мицумуси, который сейчас час? — спросил Сэймэй, пытаясь унять внутреннюю тревогу.

— Уже близится час Петуха, — ответила она.

— Неужели так поздно... — нахмурился Сэймэй. — В полдень я завершил ритуал Великого очищения в Министерстве Инь-Ян, но так и не встретил его. Я думал, он вернулся в Поместье принца Кэммэя. Но сейчас... мое сердце внезапно сжалось от дурного предчувствия. Мне кажется, с Хиромасой стряслась беда.

— Не тревожьтесь, господин. Ваш защитный амулет убережет Хиромасу-сама от любого зла, — ласково успокоила его Мицумуси.

Сэймэй медленно кивнул, силясь облегчить дыхание, но тяжесть в груди не исчезала.

— Если вам все же беспокойно, почему бы не раскинуть гадание на его судьбу? — предложила Мицумуси.

— Действительно. Пожалуй, так и сделаю, — согласился оммёдзи.

Он прошел в прохладную глубину дома, расстелил на полу древнюю звездную карту и сосредоточенно принялся вычислять движение светил.

— Ну как, господин? Всё ли в порядке с Хиромасой-сама? — тихо спросила заглянувшая в комнату помощница.

— Странно... — прошептал Сэймэй, не отрывая взгляда от триграмм. — Звезды сулят ему благополучие. Согласно раскладу, с ним ничего не случилось, и более того — с минуты на минуту он сам переступит этот порог. Но отчего же мне так не по себе? Какая-то неведомая тень искажает суть...

— Быть может, вы просто слишком близко к сердцу принимаете всё, что с ним связано? — мягко улыбнулась Мицумуси.

Сэймэй вздохнул, признавая ее правоту, и попытался расслабиться.

В этот миг со стороны ворот донесся скрип открывающейся калитки.

— Кажется, это он. Я пойду встречу гостя, — оживилась Мицумуси.

Сэймэй кивнул и вместе с ней вышел на веранду. По заросшему дикой травой двору, мягко улыбаясь, навстречу им шел Хиромаса.

— Хиромаса-сама! Вы живы-здоровы? Господин места себе не находил от беспокойства! — весело воскликнула Мицумуси.

— Да что со мной сделается? Вот он я, целехонек, — рассмеялся Хиромаса. — Сэймэй, брось свои мрачные думы. Смотри, я пришел разделить с тобой чашу хорошего вина.

— Выпить я никогда не против, — улыбнулся Сэймэй, присматриваясь к другу. — Да вот незадача: ты снова забыл принести к вину что-нибудь съестное.

— Ох, прости! Наливай пока вино, а я мигом всё устрою, — тепло отозвался Хиромаса и с легким поклоном направился в сторону кухни.

Сэймэй проводил его долгим, задумчивым взглядом, после чего опустился на циновку у края веранды и неторопливо расставил чаши и кувшин.

— Ну вот, заставил тебя ждать, — произнес вернувшийся Хиромаса.

С легкой улыбкой он расставил перед оммёдзи четыре изысканных блюда.

Сэймэй вежливо приподнял кувшин и до краев наполнил чашу гостя.

— Какая тонкая работа, Хиромаса. Благодарю за твои старания, — мягко произнес он.

— О чем ты говоришь? Заботиться о тебе — мой приятный долг, — простодушно рассмеялся Хиромаса и одним глотком осушил чашу.

— Как тебе вино? — прищурился Сэймэй.

— Превосходный вкус! Спасибо за такое щедрое угощение, — похвалил гость.

— Что ж, отведаю и я твоих кулинарных шедевров, — с улыбкой Сэймэй подхватил палочками кусочек закуски и не спеша отправил его в рот.

— Ну как? Пришлось ли по вкусу мое скромное творение? — с надеждой спросил Хиромаса.

— Восхитительно. Очень нежный и утонченный вкус, — похвалил хозяин усадьбы.

Они сидели на веранде, тихо переглядываясь. На губах обоих играли легкие улыбки, но ни один не нарушал воцарившегося безмолвия. Последние лучи закатного солнца угасали за верхушками сосен, уступая место мягким сумеркам.

— Хиромаса, — негромко позвал Сэймэй.

— Да, Сэймэй? — отозвался тот.

— Мне вдруг безумно захотелось послушать твою флейту, — признался оммёдзи.

— С радостью. Если ты просишь, разве могу я отказать? — тепло улыбнулся Хиромаса.

Сэймэй благодарно склонил голову и прислонился спиной к опорному столбу веранды, устремив взор в темнеющую высь.

Хиромаса извлек из-за пазухи инструмент и поднес его к губам. Это была старинная темная флейта, украшенная узором в виде двух алых листьев — легендарная призрачная флейта Хифута.

Мелодия полилась над садом — чистая и обволакивающая, словно теплый весенний ветер, ласкающий уставшую землю. Сэймэй прикрыл глаза, погружаясь в звуки, и на его бледном лице заиграла умиротворенная улыбка.

— Хиромаса, кажется, уже совсем ночь, — негромко проговорил Сэймэй, нарушая затихающие созвучия.

Музыкант опустил флейту и посмотрел вверх. На темно-синем бархате небосвода уже сиял тонкий серп молодой луны, окруженный россыпью мерцающих звезд.

— И впрямь... Время рядом с тобой летит незаметно. Пожалуй, мне пора возвращаться, — с легким вздохом поднялся Хиромаса.

— Остайся сегодня здесь, — Сэймэй открыл глаза и пристально посмотрел на него.

— Мне можно остаться? — удивился тот.

— Да, — кивнул хозяин усадьбы. — Мне все еще беспокойно на душе. Не хочу оставлять тебя одного в такую ночь.

— Как пожелаешь, Сэймэй. Для меня нет ничего лучше, чем быть рядом с тобой, — искренне улыбнулся гость.

— Господин, уже полночь. Раз Хиромаса-сама остается у нас, вам обоим пора отдохнуть, — мягко напомнила подошедшая Мицумуси.

— Верно. Усталость и впрямь берет свое, — согласился Сэймэй, плавно поднимаясь на ноги. — Я собираюсь ополоснуться перед сном. Хиромаса, поделишь со мной купальню? — лукаво прищурился он, и его взгляд стал озорным.

— Что?.. О нет, я... Пожалуй, иди первым, Сэймэй! — смутился Хиромаса, мгновенно отведя взгляд.

— Ну как знаешь, — усмехнулся оммёдзи. — Мицумуси, проводи Хиромасу-сама в мои покои.

Сэймэй направился к купальне, на ходу бросив на друга загадочный взгляд.

В спальне оммёдзи царила безупречная чистота. На татами уже лежали расстеленные белоснежные футоны.

Хиромаса опустился на циновку, однако никак не мог устроиться поудобнее — волнение и неловкость не давали ему покоя.

В раздвижную перегородку негромко постучали.

— Хиромаса-сама, простите мою оплошность, — виновато заговорила вошедшая Мицумуси, держа в руках аккуратно сложенную белоснежную ткань. — Я совсем позабыла отдать господину нижнюю рубаху-хадаги. Сейчас он в купальне, и мне неловко беспокоить его. Не сочтете ли за труд отнести ее ему?

Хиромаса согласно кивнул, бережно принял тонкий шелк и, поднявшись, направился к бане.

В купальне клубился густой, душистый пар, превращая комнату в подобие туманного ущелья. Сэймэй полулежал в глубокой деревянной бочке, прикрыв глаза с едва заметной, расслабленной улыбкой.

— Это ты, Хиромаса? Заходи, не стой на пороге, — слышался его мягкий голос сквозь пелену испарений.

Хиромаса, не поднимая глаз, робко переступил порог, прижимая к груди чистую рубаху.

— Спасибо, что принес. Положи хадаги где-нибудь поблизости, — попросил Сэймэй.

— Да, сейчас... — Хиромаса растерянно огляделся по сторонам, ища подходящее сухое место.

— Положи прямо здесь, рядом с бочкой, — усмехнулся оммёдзи. — Мицумуси в последнее время совсем рассеянная. Как я мог надеть верхнее платье-хитозэ прямо на голое тело? В итоге

пришлось утруждать тебя.

— Пустяки, мне совсем не трудно, — ответил Хиромаса и невольно устремил взгляд на друга.

Сэймэй небрежным жестом перекинул влажные темные волосы на плечо. Его безупречная, словно выточенная из нефрита спина наполовину возвышалась над краем бочки. Сквозь влажные испарения на его нежной коже то проступали, то вновь растворялись призрачные очертания древнего клейма — печати Бога Кошек.

Хиромаса замер, завороченно глядя на таинственные знаки, словно затерявшись в собственных мыслях.

Внезапно Сэймэй стремительно развернулся. Левой рукой он выхватил шелковую рубаху и мгновенно набросил ее на плечи. В то же мгновение он сложил пальцы правой руки в священный знак и выкрикнул заклинание:

«Ледяные оковы, сковать Юй-лана!»

Стоявший перед ним Хиромаса вмиг задеревенел, покрывшись тонкой коркой инея, словно превратившись в ледяное изваяние.

Сэймэй неторопливо запахнул полы хадаги и изящно улыбнулся.

— Юй-лан, неужели ты надеялся, что, приняв облик Хиромасы, сумеешь обмануть меня?

Он заговорил уже совсем иным — вкрадчивым и холодным голосом Нефритового юноши:

— И как же ты догадался, Сэймэй-сама? Что выдало меня?

— Прочесть тебя было проще простого, — отозвался Сэймэй с тихим смешком. — Настоящий Хиромаса залился бы краской стыда от одного вида моей обнаженной спины, ты же смотрел без малейшего смущения. К тому же... Хиромаса при всем желании не способен приготовить столь изысканные закуски. У него, знаешь ли, руки не для поварешек созданы.

— Браво. Великий Абэ-но Сэймэй и впрямь проницателен как божество, — ледяным тоном процедил Юй-лан. — Знал всё с самого начала, но продолжал разыгрывать комедию... И все же...

Договорить он не успел. Молниеносным движением фальшивый Хиромаса выхватил спрятанный под одеждой клинок. Сталь блеснула в полумраке, и острое лезвие уперлось прямо в незащитное горло оммёдзи. Сэймэй не успел защититься — смертоносное оружие уже коснулось его шеи.

—...ты недооценил меня, — хищно улыбнулся Юй-лан. — Твои ледяные чары бессильны против моей воли.

— Ты превзошел мои ожидания, господин Юй-лан. Суметь так легко развеять мою печать... Это впечатляет, — спокойно, без тени страха ответил Сэймэй.

Сэймэй попытался уклониться и отступить назад, но противник действовал быстрее.левой рукой Юй-лан мертвой хваткой вцепился в полы его полураспахнутой рубахи, а правой подсек ему ноги, безжалостно повалив оммёдзи на холодный пол.

Шелковистые темные волосы Сэймэя рассыпались по доскам, тонкое нижнее кимоно распахнулось, обнажая бледные изящные ключицы и шею.

Острые кинжала вновь замерло у самого кадыка.

— Рази, чего же ты ждешь? — Сэймэй прямо посмотрел в глаза врагу.

Юй-лан гнусно усмехнулся. Кончик его клинка медленно, с издевательской нежностью скользнул по нежной коже Сэймэя, оставляя за собой тонкую алую царапину, а затем уперся ровно напротив сердца.

— Неужели смерть совсем не пугает тебя, оммёдзи? — тихо спросил он.

Разорванный шелк обнажил белую грудь. Сэймэй взирал на нападавшего с абсолютным, почти неземным безразличием.

— Жизнь и смерть — лишь затянувшийся сон. Твой клинок может прервать его в любое мгновение. Так к чему медлить? — На его бледных губах вновь заиграла надменная улыбка.

Нет, убить тебя сейчас было бы слишком скучно. Наша игра еще не окончена. Одевайся, Сэймэй-сама. Я подожду тебя на веранде.

С этими словами он развернулся и неторопливо вышел из парной.

Сэймэй медленно поднялся, поправляя растрепанные одежды, и негромко бросил ему вслед:

— Упустив этот шанс сегодня, господин Юй-лан, ты рискуешь больше никогда его не получить.

Тот лишь покачал головой и притворно вздохнул:

— Сын белой лисицы и впрямь искусен в соблазнении... Какая жалость, что я посвятил себя

суровому даосскому учению. Будь иначе, я бы ни за что не упустил такую редкую красоту. Жду тебя в саду, Сэймэй. Оденься как подобает великому мастеру.

Сэймэй промолчал, задумчиво глядя на пустой проем двери.

Небо очистилось, и бледная луна заливала веранду призрачным светом. Юй-лан вальяжно сидел на краю настила, лениво потягивая вино из чарки. Услышав тихие шаги, он поднял голову. Сэймэй приближался к нему — вновь облаченный в привычные белоснежные каригину, собранный и величественный.

— О, в этих одеждах великий оммёдзи внушает куда больше почтения, — с усмешкой произнес Юй-лан, осушая чашу.

— Когда-то я говорил принцессе Мёки: не вино пьянит человека, но сам он жаждет хмеля. Не красота прельщает его, но сам он ищет искушения, — холодно отозвался Сэймэй, присаживаясь напротив.

— В таком случае... не относится ли это и к нашему доблестному Хиромасе-сама? — вкрадчиво поинтересовался Юй-лан.

Сэймэй проигнорировал его выпад. Он налил себе вина и ледяным тоном произнес:

— Должно быть, ты не знал: вино, которым ты сейчас упиваешься, принес сюда Хиромаса. А ты благодарил за него меня.

— Вот оно как? Что ж, тогда приношу свою запоздалую благодарность нашему дорогому музыканту, — хмыкнул даос.

— Мне претит видеть тебя в его облики, — жестко отрезал Сэймэй. — Что ты сделал с Хиромасой? Если с его головы упадет хоть один волос, я сотру тебя в порошок.

— О, не беспокойся так. Я всего лишь запечатал его три души и семь чувств, а сам временно позаимствовал это крепкое тело, — беспечно рассмеялся Юй-лан.

— Истинное даосское мастерство из Великой Тан... Не думал, что моя пентаграмма окажется бессильной против тебя, — тихо проговорил Сэймэй.

Юй-лан не ответил, лишь указал длинным пальцем на сияющий полумесяц.

— Какая дивная ночь, Сэймэй! Быть может, мне тоже стоит сыграть на флейте для того, кто мил моему сердцу? — насмешливо предложил он.

Оммёдзи молча выпил вино. Юй-лан же достал призрачную флейту Хифута и приложил ее к губам.

Мелодия зазвучала под луной — безупречная и чарующая. Сэймэй неотрывно смотрел на темное дерево инструмента, тихо шепча:

— Хифута... Хиромаса...

Когда последние звуки растаяли в тишине, даос разочарованно вздохнул:

— Мое мастерство ничуть не уступает игре этого простофили, но твое сердце, Сэймэй, закрыто для моей музыки. Ты думаешь лишь о своем ненаглядном друге. И все же... тебя наверняка удивило, что я сумел пробудить эту призрачную флейту? Ха-ха, ты ведь нарочно попросил меня сыграть, желая проверить, поддастся ли мне Хифута?

— Скрывать не стану, — признал Сэймэй. — Я полагал, что, кроме истинного хозяина флейты и самого Хиромасы, никто в поднебесной не способен заставить ее звучать.

— Этот инструмент обладает собственной душой, — самодовольно ухмыльнулся Юй-лан. — И он признал мою силу. Хифута поет для тех, кто достоин владеть ею.

— Как прискорбно... — глухо произнес Сэймэй. — Мой защитный амулет подвел того, кто мне дороже всех.

— Полно тебе сокрушаться, Сэймэй-сама! Твоя пентаграмма превосходно разит скверну и низших бесов. Но я практикую высшую даосскую магию, с чего бы святым силам вредить мне?

Сэймэй промолчал, задумчиво пригубив из чаши.

Юй-лан оперся подбородком на руку и продолжил с явным превосходством:

— Когда твой преданный друг завидел меня, он тут же выхватил оберег со словами: «Сэймэй, помоги!». Но ведь твоя пятиконечная звезда основана на законе взаимного порождения и преодоления пяти стихий, призывая на помощь пять владык сторон света. Однако у каждого бога есть свое строгое место. Лазурный дракон правит Востоком и Деревом, Белый тигр — Западом и Металлом, Алая птица — Югом и Огнем, Черная черепаха — Севером и Водой, а Желтый дракон держит Центр и Землю. Мне оставалось лишь произнести заклятие:

«Пять божественных владык, внимлите моему зову! Займите свои предвечные чертоги, охраняйте священный алтарь!»

— Боги вернулись на свои исконные места, и стройный круг твоей пентаграммы распался на

четыре обособленных предела. Центр, где должен был властвовать Желтый дракон, обратился в пустые врата. Через эту брешь в стихиях я с легкостью и ушел.

— Подчинить своей воле пять великих божеств и взломать мой барьер... Твое мастерство воистину велико, Юй-лан, — серьезно произнес Сэймэй, ставя чашу на пол. — Но на этом наше противостояние не окончено. Каким бы грозным соперником ты ни был, я верну Хиромасу.

Юй-лан поднялся на ноги, стряхивая невидимые пылинки с чужих одежд, и лукаво улыбнулся:

— Ночь уже полностью вступила в свои права, и мне пора откланяться. Если Сэймэй-сама желает вызволить своего друга, жду тебя через три дня в Обители Небесного Дао, что в десяти ри от столицы. Не заставляй меня скучать.

— Я приду, — твердо пообещал Сэймэй. — Раз ты следуешь истинному даосскому пути, верю, что ты не опустишься до причинения вреда невинному. Прошу тебя, сбереги тело Хиромасы.

— Какая трогательная преданность... — ядовито усмехнулся Юй-лан. — Что ж, три дня я не трону его душу. Но если ты опоздаешь — не обессудь. До встречи на поле боя, Сэймэй-сама.

С этими словами он резко развернулся и с громким, торжествующим хохотом растворился во мгле ночного сада.

Сэймэй долго стоял на веранде, вглядываясь в колышущиеся тени деревьев, и зловещий холод медленно проникал под его белоснежные одежды.

Ночь окутала усадьбу плотным покрывалом. Абэ-но Сэймэй остался наедине со своими мыслями, лихорадочно ища способ спасти того, кто стал для него дороже самой жизни.

Порыв холодного ветра пронесся над садом, нагоняя тяжелые тучи, которые постепенно скрыли под собой бледный лик луны.